

БЕЗСМЕРТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

В.М. Бехтерев

В те моменты истории, как переживаемое нами время, когда почти каждый день приносит известие о гибели многих сотен и тысяч людей на полях сражений, особенно настойчиво выступают вопросы о "вечной" жизни и о бессмертии человеческой личности. Да и в обыденной жизни мы сталкиваемся на каждом шагу с потерей близких нам лиц – родных, друзей, знакомых – от естественной или от насильственной смерти.

"Произошёл выстрел, и человека не стало". "Болезнь отняла от нас друга, который отошёл в другой мир". – Так говорят обыкновенно над свежей могилой. Но так ли это на самом деле? Ведь если бы наша умственная или духовная жизнь кончалась вместе с тем, как велением рока обрывается биение сердца, если бы мы превращались вместе со смертью в ничто, в безжизненную материю, подлежащую разложению и дальнейшим превращениям, то спрашивается, чего стоила бы сама жизнь? Ибо, если жизнь кончается ничем в смысле духовном, кто может ценить эту жизнь со всеми её волнениями и тревогами? Пусть даже жизнь скрашивается стремлениями в лице лучших умов к вечным идеалам истины, добра и красоты, но для самого человека, живущего и действующего, чем можно было бы оправдать преимущества этих идеалов по сравнению с теми или иными своекорыстными стремлениями? Ведь если нет бессмертия, то в жизни нет и морали, и тогда выступает роковое: *"всё дозволено!"*.

В самом деле, к чему мне заботиться о других, когда все – и я, и они перейдут в "ничто" и когда вместе с этим "ничто" устраняется вполне естественно и всякая моральная ответственность. Смерть человека без вечного духа, которую признают все религии и в которую веруют все народы, разве не устраняет почву из-под всякой вообще этики и даже из-под всех стремлений к лучшему будущему?

Если вместе со смертью навсегда прекращается существование человека, то спрашивается, к чему наши заботы о будущем? К чему, наконец, понятие долга, если существование человеческой личности прекращается вместе с последним предсмертным вздохом?

Не правильнее ли тогда ничего не искать от жизни и только наслаждаться теми утехами, которые она даёт, ибо с прекращением жизни всё равно ничего не останется. Между тем иначе сама жизнь, как дар природы, протечёт без тех земных удовольствий и наслаждений, которые она способна дать человеку, скрашивая его временное существование.

Что же касается заботы относительно других, то стоит ли вообще об этом думать, когда все – и "я", и "другие" завтра, послезавтра или когда-нибудь превратятся в "ничто". Но ведь это уже прямое отрицание человеческих обязанностей, долга и вместе с тем отрицание всякой общественности, неизбежно связанной с известными обязанностями.

Вот почему человеческий ум не мирится с мыслью о полной смерти человека за пределами его земной жизни, и религиозные верования всех стран создают образы бесплотной души, существующей за гробом человека в форме живого бестелесного существа, а мировоззрение Востока создало идею о переселении душ из одного существа в другие.

Таким образом, народный эпос и религиозное умозрение как бы предугадывают то, что должно быть предметом внимания науки и что до позднейшего времени оставалось вне её поля зрения. Правда, философии не чужда идея бессмертия, ибо она уже давно ставила проблему бессмертия человеческой души как таковую, которая требует своего разрешения, и, как известно, ещё **Спиноза**, а затем и **Кант**, не говоря о некоторых других философах, признавали **бессмертие духа**.

Наш великий моралист **Л. Толстой** высказывается по этому поводу следующим образом: *"Если признают жизнь не в теле, а в духе, то нет смерти, есть только освобождение от тела. Мы признаём в душе нечто такое, что не подлежит смерти. Объяви только в своей мысли то, что нетелесно, и ты поймёшь то, что в ней не умирает"*.

Из новейших авторов, как известно, американский философ **Джемс**, недавно скончавшийся, *"... был столь убеждён в существовании загробного мира, что обещал после своей смерти найти способ духовного общения со своими друзьями"*. На это наш учёный **Мечников** не без иронии заметил, что он *"... до сих пор не выполнил своего обещания"*.

Некоторые из философских умов в этом вопросе даже примыкали к доктринам христианства. Как известно, христианское

учение говорит о всеобщем воскресении мёртвых, и наш известный философ В. Соловьёв [2] опирается именно на эту сторону христианского учения в своих диалектических возражениях по адресу морального аморфизма.

"Отрицая различные учреждения, моральный аморфизм, – говорит он, – забывает об одном довольно важном учреждении – о смерти, и только это забвение даёт доктрине возможность существования".

"Ясно, что это учение, умалчивая о смерти, носит её в себе самом. Оно выдаёт себя за восстановление подлинного христианства, но слишком очевидно и психологически, и исторически, что проповедь Евангелия не забывала о смерти; прежде всего эта проповедь, опиралась на воскресение Одного, как на совершившееся событие, и на будущее воскресение всех, как на обеспеченное обещание. Общее воскресение есть создание совершенной формы для всего существующего, крайнее выражение и осуществление благого смысла Вселенной – и потому конец и цель истории".

Таким образом, наш маститый философ принимал христианскую доктрину так, как она передаётся нам в священной книге, в прямом смысле слова, и рассматривал перспективу общего воскресения как обеспеченное обещание, как непреложный факт будущего, забывая при этом, что в известных случаях слова вообще должны быть понимаемы не по внешней их форме, а по их сокровенному смыслу.

Не будем умалять значения христианского учения для цивилизованного мира. Возвышение "духа" над телом, любовь к ближнему, непротивление злу насилием и самопожертвование ради торжества истины и ради общего блага – вот те нравственные принципы, которые выдвинуло христианство.

Эти принципы, опрокинувшие некогда древний языческий мир, поборовшие его великим страданием самого Учителя и последующими страданиями его учеников, привели к обновлению мира, создав новую эру для современного человечества. Но, даже приняв во внимание заявление В. Соловьёва относительно обеспеченного обещания в христианском учении, следовательно, факта в будущем, – люди науки скажут: в общее воскресение надо верить, ибо общее воскресение есть высшее чудо, научная же мысль давно отрешилась от всего чудесного и не может опираться на веру.

Вот почему даже столь сильные умы, как наш Мечников, стоят на точке зрения полного отрицания загробной жизни.

Но прежде чем разрешать этот вопрос, мы сойдём с плоскости религии и примыкающей к ней в этом вопросе философии и обратимся к научному анализу вопроса о бессмертии человеческой личности. То есть к тому знанию, которое признаётся точным, и посмотрим – как будет решаться вопрос о бессмертии человеческой личности с научной точки зрения.

Не очень давно научное воззрение держалось на трёх китах, – на признании физической **энергии, материи** и **духа**, несводимых будто бы путём научного анализа к более общим формам мировых явлений и в то же время не имеющих между собой ничего общего. Ещё покойный **Д.И. Менделеев** не считал возможным отрешиться от этих, так недавно считавшихся общепризнанными, взглядов.

Но за истекшее столетие в лице **Майера** и **Гельмгольца** наука обогатилась одним незыблемым законом, – законом постоянства энергии. Этот закон гласит, что энергия может подвергаться превращению из одного ряда в другой, но она не тратится и не убывает.

Ранее того был установлен, как известно, принцип постоянства материи. Предполагалось, что материя при всех возможных превращениях остаётся в смысле своего веса одной и той же, иначе говоря, количество материи, несмотря на всевозможные превращения, остаётся постоянным.

Однако позднейшие научные открытия, особенно же открытие радиоактивных веществ, а также открытие рентгеновских лучей и другие приобретения науки пошатнули это положение, ибо стал очевидным переход, хотя и медленный и постепенный, материи в энергию. С другой стороны, наукой установлено, что и материальные атомы, разлагающиеся на электроны, представляют собой не что иное, как центры энергии, а следовательно – в физическом мире мы можем говорить лишь об энергии как сущности, которая вмещает в своём понятии и физическую **энергию**, и видимую и осязаемую нами **материю**.

Иначе говоря, можно признать, что энергия при известных условиях скрытого потенциального состояния даёт начало веществу – материи или массе; последняя же, в конце концов, при тех или других условиях может быть разложена на ряд физических энергий. В этом отношении ещё **Декарт** подходил к решению задачи, говоря, что **материя** есть *"движение"* или *"сила"*.

Густав Лебон, задаваясь вопросом: *"Материя не есть ли энергия?"* – замечает: *"Всякому, следившему за моими работами,*

известно, что мне удалось доказать, что свойства солей радия суть не более как свойства каждого тела природы, только в радиусе они более ярко выражены. Всякое тело обладает истечением частиц в более слабой степени, чем радий. Это показывает, что материя имеет свойства медленно рассеиваться. Радиоактивность и рассеивание (диссоциация, распад) материи, её дематериализация – это синонимы. Электричество и солнечное тепло – не что иное, как разъединённая материя. Можно доказать, что элементы, извергаемые полюсами, одинаковы с элементами, отделяющимися от радия" [3].

Но за всем тем остаётся мир духовный, или так называемая психическая, точнее – нервно-психическая деятельность, которая непосредственно познаётся нами как мир явлений, открываемых путём самонаблюдения и самоанализа. Этот мир тем самым противопоставляется миру объективному, ибо последний не подлежит самонаблюдению, но в то же время познаётся нами лишь не иначе, как при посредстве наших внутренних переживаний, то есть путём того же субъективного мира, открываемого при посредстве самонаблюдения и самоанализа.

Но это противоположение остаётся лишь до тех пор, пока мы о нервно-психической деятельности судим по своим переживаниям, то есть признаём её деятельностью исключительно субъективной, не имея в то же время возможности проникнуть во внутреннюю природу явлений внешнего мира. Но та научная дисциплина, которую я стремлюсь установить под наименованием **"Объективной психологии"** или, точнее, **"Рефлексологии"** (4), рассматривает нервно-психическую resp. соотносительную деятельность со строго объективной точки зрения, как совокупность высших или сочетательных рефлексов, имеющих свои внешние причины или внешние воздействия, предоставляя в то же время субъективной психологии изучать проявление субъективного характера этих рефлексов путём самонаблюдения.

Со строго объективной точки зрения разнообразные действия Человека могут и должны быть сопоставлены по аналогии с движениями псевдоподий таких простейших животных, как амёба, и то, что мы понимаем под высшими или сочетательными рефлексами, в конце концов, представляет собой производное сократительности живого вещества в случае ответа его на сопутствующие раздражения. Отсюда ясно, что связываемый с высшими рефлексами психизм в живой природе вообще, где бы он ни проявлялся и в каких

бы формах ни обнаруживался, должен быть сведён также на особый вид энергии, разнообразные проявления которой мы имеем в телах окружающей нас живой природы. (5)

При этом мы знаем, что в основе соотносительной деятельности высших организмов лежит нервный ток, являющийся сам по себе производным сократительности протоплазмы, ибо нет ни одного соотносительного (нервно-психического) процесса, который бы не происходил в мозгу, основой же деятельности мозга, как мы знаем, является нервный ток, переходящий путём сокращения мышц и смещения членов в механическую энергию [6].

Как известно, импульсами для возбуждения нервного тока служат внешние заряды, которые действуют на воспринимающие органы внешней и внутренней поверхности тела, играющие, как я указал ещё в 1896 г., роль особых трансформаторов внешних энергий [7]. Обеспечением же правильного проведения тока по нервным волокнам является непрерывный приток крови к мозгу.

Другие факты не оставляют сомнения в том, что при условиях нормального мозгового кровообращения усиление субъективных гесп. сознательных процессов сопутствуют замедлением и даже задержкой движения, то есть ослаблением механической работы, и наоборот – ускорение и усиление производимой механической работы сопровождается ослаблением её сознательности. Отсюда вытекает противоположение между субъективными проявлениями сознания и объективными двигательными процессами, а это говорит за то, что при активной психической деятельности происходит задержка энергии в центрах, точнее говоря, в клетках нервной ткани [8].

Всем известно, что активная умственная работа идёт медленнее автоматической. Достаточно сделать усиленное напряжение мысли при ходьбе, стремясь внимательно производить каждый шаг, и тотчас же ходьба замедляется и даже наступает её приостановка, и, наоборот, – при ослаблении внимания или в состоянии так называемой рассеянности – процесс ходьбы становится более плановым и свободным.

В основанном мною совместно с **В. Т. Зиминим** Педологическом институте в Петрограде непосредственными опытами над новорождёнными было доказано, что всякое внешнее впечатление, привлекающее внимание ребёнка, действует успокаивающим образом на его движения и, в особенности, на его дыхание, которое всегда при этом выравнивается.

Таким образом, необходимо признать, что сознательное или, выражаясь философским языком, *духовное* связано с задержкой нервного тока, сам же нервный ток, как мы видели, является трансформированной физической энергией того или иного рода. Отсюда ясно, что духовная сторона человеческой личности, если понимать под этим все вообще происходящие в ней субъективные процессы и тесно связанные с ними внешние проявления, в конце концов оказывается производной внешних энергий и является результатом задержки и, следовательно, наивысшего напряжения энергии в центрах.

Очевидно, таким образом, что и между нервно-психической и так называемыми физическими энергиями не только нет никакого противоположения, как полагали раньше, а наоборот имеется взаимоотношение, основанное на переходе одной в другие и обратно [9].

Поэтому необходимо признать, что все явления мира, включая и внутренние процессы живых существ или проявления "духа", могут и должны быть рассматриваемы как производные одной *мировой энергии*, в которой потенциально должны содержаться как все известные нам физические энергии, так равно и материальные формы их связанного состояния и, наконец, проявления человеческого духа.

В окончательном выводе – энергия должна быть признана единой сущностью во Вселенной, причём все вообще превращения материи или вещества и все вообще формы движения, не исключая и движения нервного тока, представляют собой не что иное, как проявление мировой энергии, непознаваемой в своей сущности, но являющейся первоосновой известных нам физических энергий, являющихся также лишь определённой формой проявления мировой энергии, то есть проявления её при определённых условиях окружающей среды.

Новейшие научные воззрения, правда, говорят об электронах, как наименьших элементах, служащих носителями энергии, но ничуть не исключена возможность, что электрические атомы, или электроны, предполагающие существование в них положительного или отрицательного зарядов, не являются ещё пределом разложения видимого и невидимого физического мира. Да и вообще в этих воззрениях об электронах, постоянно двигающихся друг около друга, сказывается невозможность человеческого ума отрешиться от идеи разделения познаваемого мира на мельчайшие частицы и при-

знать полное разложение материи в энергию без всякого в ней остатка самой материи. К тому же в физических гипотезах нашего времени, как справедливо указал профессор **Хвольсон** в своей брошюре "*Знание и вера*", господствует вера, а не научные доказательства [10].

В конце концов, необходимо признать, что сущность мировой энергии по ограниченности нашего мышления, черпающего свой материал лишь из видимого материального мира, остаётся недоступной нашему познанию.

Но одно несомненно, что мировая энергия, в конце концов, служит началом – и материального, и духовного мира; следовательно, в потенциальном состоянии она должна содержать в себе – и материальное, и духовное. *"Называя всё это – материю, энергию, дерево – физическими продуктами, касаемся ли мы их последней реальности? Уверены ли мы даже совершенно в том, что то, что мы называем физическим миром, есть, в конце концов, физический мир? Преобладающим научным взглядом в настоящее время является, что это не так. Самое выражение "материальный мир" есть, говорят нам, неверное выражение; мир есть мир духовный, только употребляющий "материю" для своего обнаружения"* [11].

Как бы то ни было, в последних частицах безпредельного дробления материи, пример которого мы видим в радиоактивности тел, мы уже не находим никаких свойств материи, а лишь качества, присущие энергии, равно как и в конечном анализе психические процессы лишаются свойств психического в истинном смысле слова и должны быть сводимы на бессознательные процессы, связанные с затрачиваемой энергией.

Таким образом, мы не только не видим основания противопоставлять друг другу **физическую энергию, материю** и **дух**, они не только не представляются нам особыми сущностями, что признавалось за истину ещё недавно, но мы должны в этом отношении держаться взгляда о единой основе всего сущего в виде мировой энергии, служащей началом и всего материального, и всего духовного во Вселенной. Это учение, как объединяющее все мировые явления, мы обозначаем именем *эволюционного монизма*, ибо в данном случае к монизму мы приходим путём выяснения и анализа эволюционного процесса, приводящего все вообще внешние проявления видимого мира к единой *"мировой" энергии* как началу всего сущего [12].

Эта мировая энергия обуславливает движение всего во Вселенной, ибо во всём познаваемом пространстве нет ничего без движения, и мы не знаем вообще ни одного явления в природе, ни одного процесса, который не сопровождался бы движением.

С движением связаны и энергия притяжения и отталкивания, лежащая в основе законов тяготения небесных тел, и энергия химического сродства и сцепления атомов, и, наконец, энергия того подвижного соединения молекул коллоидных веществ, которое, лёжа в основе жизненных процессов, обладает свойством раздражимости, а следовательно, и всех вообще ответных реакций или рефлексов живой материи, входящей в состав организмов.

Мало того, необходимо признать, что всё движется как бы в одной непрерывной цепи, благодаря непрерывному переходу одной энергии в другую. Отсюда постоянная и непрерывная зависимость одного явления от другого; благодаря ему весь мир представляет собой бесконечную систему взаимодействий, устанавливающую так называемый закон относительности.

"В обширной экономии природы... взаимная зависимость части от части является неизменно установленной. Система вещей от вершины до основания есть непрерывный ряд взаимодействий. Царство согласуется с царством, органическое – с неорганическим".

"Действительно, всё вступает в жизнь благодаря чему-нибудь другому. Вещество Земли создано из содействующих друг другу атомов; она обязана своим существованием, своим положением и своей устойчивостью содействующим светилам. Растения и животные созданы из содействующих друг другу точек, нации состоят из содействующих друг другу людей. Природа не делает ни одного движения, общество не выполняет ни одной цели, компас не подвигается ни на шаг вперед без зависимости от кооперации; и по мере того как несогласия мира исчезают с ростом знания, наука с возрастающей ясностью раскрывает универсальность её взаимных соотношений" [13].

В конце концов, все силы природы полны взаимодействия и соучаствуют в творении человека – и тем самым сливают его с безконечным началом.

Но и этого ещё недостаточно; для уяснения мирового процесса необходимо признать, что живая и мёртвая природа подчинены закону эволюции, – тому закону, по которому одно развивается из другого и которым обеспечивается поступательный ход всего су-

шего, всего вообще мирового процесса и в том числе человека как высшего живого существа на Земле.

В пояснение величия закона эволюции и его значения даже в моральной сфере приведём здесь слова **Г. Друммонда**, который говорит (о. с. С. 387): *"В обширном поступательном движении природы, в этом зрелище всех вещей, с самого начала движущихся снизу вверх, от неоконченности к завершению, от несовершенства к совершенству, моральная природа признаёт во всей его высоте и глубине вечное право на самой себя. Цельность, совершенство, любовь всегда составляли требование человека. Но никогда ранее на естественной почве не были они провозглашены голосами столь повелительными или подтверждены санкциями столь великими и рациональными"*.

С этими предварительными сведениями перейдём к рассмотрению интересующего нас вопроса.

Посмотрим, действительно ли наука бессильна в выяснении вопроса о **существовании человеческой личности за пределами её жизни**.

Когда человек умирает, организм разлагается и прекращает своё существование – это факт. Путём разложения сложных белковых и углеводных веществ тело разлагается на более простые вещества. Благодаря этому энергия частью освобождается, частью же вновь связывается, служа основой для произрастания растительного царства, в свою очередь служащего питательным материалом для жизни и, следовательно, условием развития энергии в новых организмах. Таким образом, то, что называется физической стороной организма, то, что обозначают именем тела, распадается, истекает, но это не значит, что оно уничтожается, оно не тратится, а лишь превращается в другие формы, служа к созданию новых организмов и новых существ, которые путём закона эволюции способны к бесконечным превращениям и совершенствованию. Следовательно, круговорот энергии не прекращается и после смерти организма, содействуя развитию жизни на Земле.

Но спрашивается, что же делается с индивидуальным сознанием человека, или вернее, с его психической деятельностью? Мы приведём здесь слова **Мечникова**, большого скептика в вопросе о бессмертии человеческой личности. *"До нашего рождения, – говорит он, – и столь часто на пути нашей жизни сознание отсутствует, но никогда оно не превращается ни во что другое, нам каким*

бы то ни было образом ведомое. Даже то видоизменение нашего сознания, которое мы воспринимаем в сновидениях, нам большей частью неприятно, так как оно обуславливается нарушением правильной деятельности мозга. Без последнего же для нас наступает именно ничто, которое, хотя и превращается в природе в нечто, но в столь же отличное от сознания, как наш мозг, нормально функционирующий, отличается от мозга, превращённого в культуру гнилостных бактерий или в содержимое кишечного канала трупных насекомых”.

Однако всё ли этим сказано в вопросе о дальнейшем бытии или небытии человеческой личности?

Если нервно-психическая деятельность должна быть сведена на энергию, то нужно признать, что закон сохранения энергии, провозглашённый **Майером**, поддержанный затем **Гельмгольцем** и теперь являющийся общепризнанным, должен получить своё полное применение и по отношению к нервно-психической, или соотносительной деятельности.

Таким образом, *энергетизм*, на котором основывается и та научная дисциплина, которую мы называем *рефлексологией*, даёт нам возможность – не только рассматривать нервно-психическую деятельность человека в её высших проявлениях с точки зрения строго объективной, как все вообще явления природы, не противопоставляя притом духа материи, как это делалось и делается ещё многими и донныне, – но и применить к явлениям нервно-психической деятельности закон сохранения энергии [14].

Этот закон (по отношению к данному предмету) может быть выражен так: *ни одно человеческое действие, ни один шаг, ни одна мысль, выраженная словами или даже простым взглядом, жестом, вообще мимикой, не исчезают бесследно.* И это потому, что всякое вообще действие, слово или вообще тот или иной жест, или мимическое движение неизбежно сопровождается для самого человека определёнными органическими впечатлениями, что в свою очередь должно отразиться в его личности, претворившись в новые формы деятельности в последующий период времени.

Но особые свойства нервно-психической деятельности обуславливают то, что этим "самовлиянием" дело не ограничивается.

Дело в том, что если действие человека, его слово, мимическое движение или жест производятся в присутствии других лиц, способных усваивать всё, что они видят и слышат, то ясно, что эти явления, будучи воспринятыми другими, либо претворятся путём

непосредственного подражания, внушаемости и усвоения в те или другие формы их нервно-психической деятельности, либо, встретив со стороны их противодействие, вызовут тем самым, особую в них реакцию, словом, так или иначе – отразятся на их последующей деятельности в окружающем мире.

"Душа наша, как неуловимая жидкость, всюду проникающая, беспрепятственно оказывает своё влияние и на внешний мир в её животных проявлениях; она, сообразно с этими проявлениями, изменяет ту материальную среду, где они происходят. Присутствие добродетельного человека улучшает окружающие воздух и почву; зло и беззаконие, напротив того, распространяют вокруг физическую заразу" [15].

В конце концов, всякий человек представляет собой существо, проявляющее себя в зависимости от тех влияний, которые воздействуют на него со стороны других лиц. Человек является существом, принявшим от рождения известную часть биологического богатства своих предков, а затем получившим путём усвоения при воспитании результаты опыта старших поколений и в том числе моральные приобретения, сделанные ранее другими лицами, находящимися с ним в общении. Вместе с тем он обогащается и собственным жизненным опытом, вырабатывая определённые навыки.

Таким образом, всякий человек обладает известным запасом энергии, заимствованной от предков в силу рождения, и запасом энергии, приобретённой им самим путём воспитания и жизненного опыта, а потому действующие на него внешние влияния оказываются действительными в той мере, в какой мере они в состоянии побудить к активному проявлению или направить в известную сторону приобретённую им ранее запасную энергию. В противном случае действие этих влияний затормаживается.

Тем не менее, и в этом случае оно не остаётся бесследным, а так или иначе проявляет себя хотя бы более или менее скрытым образом или вызывая известную реакцию противодействия. К тому же торможение есть лишь акт временной задержки, а не полное уничтожение явления.

Да может ли и быть иначе? Если нервно-психическая деятельность человека должна быть сведена на энергию, то ясно, что эта энергия, проявляясь в речи, мимике, жестах, действиях и поступках одних, людей, путём воздействия этих внешних проявлений, то есть речи, мимики, жестов, действий и поступков на восприимчивые органы других лиц, должна отражаться в свою

очередь на речи, жестах, мимике, действиях и поступках этих последних, а это и гарантирует социальную преемственность фактов и событий в исторической жизни народов.

Можно сказать, что ни один вздох и ни одна улыбка не пропадают в мире бесследно. Кто слышал последний вздох умирающего узника в тюрьме, а между тем этот вздох с проклятием на устах воскресает затем на улицах и митингах, в кликах восставшего народа, проклинающего тиранов, гноивших в тюрьмах своих политических врагов. Кто мог заметить улыбку на лице невесты, провожающей своего жениха на войну, а между тем она делает его героем в предстоящем сражении, ибо он уловил её смысл и не может вернуться домой для новой встречи с ней без победных лавров.

Нервно-психическая деятельность как выражение энергии, заимствуемой человеком по праву рождения от родителей и накапливаемой им в течение жизни, благодаря превращению в нервный ток внешних энергий, действующих на воспринимающие органы, и вследствие тех внешних проявлений, которыми она характеризуется, имеет все условия для распространения от одних лиц к другим и для передачи из поколения в поколение.

Отсюда мы имеем основание говорить о том, что "духовная" личность человека, имея самодовлеющую ценность, никогда не исчезает бесследно. И таким образом – каждая человеческая личность, имеющая в себе опыт предков и свой личный жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались во время её жизни. И таким образом – живёт в них и в потомстве как бы разлитой, но зато живёт вечно, пока существует вообще жизнь на Земле.

Можно сказать, что в течение своей жизни человек, если можно так выразиться, рассеивает свою энергию среди близких и неблизких ему лиц, которые в свою очередь передают приобретённое другим, а те – третьим и так далее до пределов человеческих взаимоотношений, причём в претворённом виде это влияние личности на других, себе подобных, в свою очередь будет воздействовать на саму личность, первоначально давшую толчок к воздействию на других.

В собирательной человеческой личности все взаимно связаны друг с другом, и нет ни одного происшествия, которое не отразилось бы в той или иной мере всюду. Один подвиг вызывает преем-

ственно другой подвиг, и одно преступление влечёт за собой другое преступление.

Обращаясь к фигуральному сравнению и принимая во внимание безпределность взаимоотношений людей вообще – мы должны сказать, что человек в течение своей жизни распространяет своё влияние в большей или меньшей мере на всю собирательную человеческую личность; и в свою очередь испытывает на себе влияние со стороны других лиц подобно тому, как плывущий по морю корабль даёт начало отходящим от него в разные стороны волнам, которые в конце концов, докатившись до берегов и получив обратное направление, вновь докатываются до того же корабля.

Само собой разумеется, что в отношении своего влияния на других каждая человеческая личность сталкивается с действием распространяющегося влияния целой совокупности других личностей нередко противоположного характера, создающим таким образом род тормоза для распространения влияния одной личности. Но торможение в научном смысле, как уже говорилось раньше, есть лишь задержка и притом временная, а не полное уничтожение. Следовательно, с устранением задержки при тех или иных условиях и эта преграда распространению влияния личности на других отпадает.

Таким образом, совершается кругообращение энергии от человека к человеку, благодаря чему происходит не всегда уловимое, но постоянное взаимодействие между людьми и даже не между людьми только, но и между людьми и теми существами, с которыми человек вообще обращается в условиях своей жизни. В конце концов, взаимовлиянием людей друг на друга создаётся одна общая духовная личность среды, из совокупности – **духовная личность народа**, а совокупность народных личностей создаёт **общечеловеческую личность**.

Но если постоянное взаимовлияние есть факт непреложный в человеческой жизни, то ясно, что человек, умирая физически, не умирает духовно, а продолжает жить и за гранью телесной формы человеческой личности, ибо всё то, в чем эта личность уже проявилась, чем она заявила себя в течение своей жизни, в умах и сердцах людей всё это, претворяясь в окружающих людях и в потомках в новые нервно-психические процессы, переходит от человека к человеку, из рода в род, оставаясь вечно двигающим импульсом, побуждающим людей, его воспринявших, к той или иной форме деятельности.

Вот почему так называемая загробная жизнь, то есть жизнь за гранью телесной формы человеческой личности, несомненно существует в форме ли индивидуального бессмертия, как определённого синтеза нервно-психических процессов, проявившегося в данной личности, или в форме бессмертия более общего характера, ибо содержание человеческой личности, распространяясь как особый стимул вширь и вглубь по человеческому обществу, как бы переливаясь в другие существа и передаваясь в нисходящем направлении к будущему человечеству, не имеет конца, пока существует хотя бы одно живое человеческое существо на Земле.

В этом отношении учение Востока о переселении душ как бы предвосхитило за много веков воззрение, которое в этом отношении создаётся на основании строго научных данных.

Мы приходим, таким образом, к идее *социального бессмертия* всякого вообще человека. Это бессмертие необходимо и неизбежно вытекает из положения о неисчезании энергии во внешнем мире, вследствие чего нервно-психическая деятельность одного человека, как выражение энергии его центров, проявляясь внешним образом в той или иной форме и воспринимаясь всеми окружающими, или посредством особых органов, как своего рода трансформаторов, [16] служит импульсом к возбуждению процессов в других существах и, следовательно, даёт тем самым толчок к новым их проявлениям во внешнем мире.

Таким образом, идёт непрерывная передача энергии от одного лица к другому и от старшего поколения к младшему из века в век, путём того, что в обыденной жизни называется влиянием или взаимовлиянием, и которое обозначают этим именем лишь тогда, когда вышеуказанная передача энергии от этого лица к другому становится более или менее явной и очевидной; между тем в действительности эта передача, хотя и не всегда заметна, но обязательна и неизбежна каждую минуту и даже каждую секунду при общении человека с другими людьми, причём влияние личности продолжается и после её смерти.

Поэтому прав **Надсон**, восклицающий в поэтическом вдохновении:

*Не говорите мне «он умер», – он живёт,
Пусть жертвенник разбит, огонь ещё пылает,
Хоть роза сорвана – она ещё цветёт,
Пусть арфа сломана – аккорд ещё рыдает.*

Из предыдущего ясно, что речь идёт не о бессмертии индивидуальной человеческой личности в её целом, которая при наступившей смерти прекращает своё существование как личность, как особь, как индивид, как уже говорилось выше, а о социальном бессмертии ввиду неуничтожаемости той нервно-психической энергии, которая составляет основу человеческой личности. Или, говоря философским языком, речь идёт о бессмертии духа, который в течение всей индивидуальной жизни – путём взаимовлияния как бы переходит в тысячи окружающих человеческих личностей, путём же особых культурных приобретений (письмо, печать, телеграф обыкновенный и беспроволочный, телефон, граммофон, те или другие произведения искусства, различные сооружения и проч.) распространяет своё влияние далеко за пределы непосредственных отношений одной личности к другой. И притом не только при одновременности их существования, но и при существовании их в различное время, то есть при отношении старших поколений к младшим. Можно сказать, что личность всеми своими сторонами и индивидуальными особенностями как бы переливается в целый ряд других личностей, с ней сосуществующих и за ней следующих.

Вот почему в той мере, в какой жизнь человечества может считаться вечной, могут и должны считаться вечно преемственными и все вообще проявления человеческой личности. Поэтому понятие о загробной жизни в научном смысле должно быть сведено, в сущности, к понятию о продолжении человеческой личности за пределами её индивидуальной жизни в форме участия её в совершенствовании человека вообще и в создании духовной общечеловеческой личности, в которой живёт непременно частица каждой отдельной личности хотя бы уже и ушедшей из настоящего мира, и живёт не умирая, а лишь претворяясь в духовной жизни человечества, иначе говоря, бесконечного ряда человеческих личностей.

Нечего говорить, что каждая личность делает – тот или иной, то больший, то меньший, то положительный, то отрицательный вклад в общечеловеческую духовную культуру своей деятельностью и своим трудом вообще, производя созидательную или разрушительную работу. И это опять-таки заставляет признать, что личность не уничтожается вместе со смертью, а, выявляясь в течение всей жизни своими различными сторонами, живёт и дальше, и живёт вечно, как известная частица в творениях общечеловеческой духовной культуры, которая является слагаемой из производительного труда всех вообще отдельных человеческих личностей.

В самом деле, разве творения Праксителя, Фидия, Микеланджело, Рафаэля, Шекспира, Ньютона и других великих и менее крупных мастеров искусства и науки не живут среди нас и разве не оживляются перед нами образы самих творцов этих произведений? *"Угасший гений – всё же гений, он вечно мощен и велик, над нами власть его творений и в нас не молкнет их язык"*. Да, наконец, вся вообще наша духовная культура, это бесценное наследие отцов, разве не представляет собой выражения коллективной деятельности наших предков?

Надо здесь особенно подчеркнуть, что вечное существование человеческой личности мы усматриваем не в её соучастии в создании собственно материальной культуры народов, ибо эта культура так же тленна, как и человеческое тело, но в **прогессе самой мысли**. Здесь припоминается известный стих **Державина**: *"Река времён в своём течении уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей"*. Да, исчезают с лица Земли народы, забываются их боги и цари, но достигнутый народами духовный прогресс, который возводит дикаря на степень цивилизованного человека, не исчезает и не утрачивается, а, накопляясь из поколения в поколение, приводит к совершенствованию человеческой личности и тем самым даёт дальнейший толчок развивающейся духовной человеческой культуре. Материальные блага гибнут, но духовная культура человека остаётся, и, если она утрачивает благоприятную почву в месте своего первоначального развития, она переходит в другие страны, продолжая здесь развиваться с новой силой. Так, в древнем мире мы видим средоточие духовной культуры на берегах Средиземного моря, сначала в Египте, затем в Греции, после того в Риме, затем в Испании, после чего оно переходит в страны Западной Европы и частью в Америку, затем, быть может, перейдёт к Востоку. Но, несмотря на перемещение человеческой культуры в разные эпохи, она не утрачивала ни однажды своей преемственности.

Могут сказать, что когда речь идёт о создании духовной человеческой культуры, этого живого духовного общечеловеческого организма, то имена огромного числа предков, несомненно участвовавших в созидании этой культуры, утрачиваются навсегда и в потомстве сохраняются только имена отдельных личностей, счастливо выделившихся в ходе истории человеческой культуры. Но разве в именах дело?

Русское Физическое Общество

Много ли мы знаем, например, о создателях халдейской культуры или создателях недавно открытой древней культуры американских инков?

А между тем – та и другая культура есть, несомненно, факт. Очевидно, и тогда были громкие и прославленные имена, которые затерялись во тьме прошлых веков, а где они ныне?

*Что в мире нашем значит слава?
Лишь звук гремящий и пустой,
Она коварная отравка
Средь общей пошлости людской.*

*Как фимиам благоухает
Пред ликом дивного Творца.
Она ревнивый слух ласкает
Подобно голосу певца;*

*Но как с дыханьем непогоды
Повянут нежные цветы,
Так под капризом строгой моды
Померкнет слава – дань мечты.*

Да нужно ли вообще знать, кто именно были создатели тех или других творений человеческого духа, например "Илиады" или "Слова о полку Игореве?" Так ли уж важно знать, принадлежат ли именно Шекспиру творения, ему приписываемые? *"Кто был творец Макбета, Гамлета, Лиры? – говорит Гнедич. – Да не всё ли равно? Я повторяю слова Твена: "Бэкон ли это был, другой ли кто – актёр ли, сын мясоторговца из Стратфорда. Важно то, что до нас дошли изумительные перлы человеческого творчества, перед которыми склоняются писатели всего мира. Все Гомеры, Овидии, Данте, Гюго, Расины, Мольеры, Гёте, Шиллеры, Байроны меркнут перед ярким солнцем ослепительного творчества Шекспира".*

В конце концов, "что в имени тебе моём?" Достаточно знать, что эти великие творения, до сих пор действующие обаятельным образом на современного человека, явились в результате синтетической работы большого ума той или иной эпохи; и в этом вся суть.

Я напомним здесь один из эпизодов, бывших во время Великой французской революции, когда дух человека возвышался над обыденной действительностью. Во время работ под крышей одного дома двое рабочих внезапно почувствовали, что доска, на которой они держались, подломилась и им неизбежно грозила гибель.

"Кому умирать – одному или обоим?" – мгновенно промелькнуло между ними. Один заявляет, что у него семья и дети, и мгновенно другой товарищ, будучи холостым, бросается вниз и погибает, спасая тем самым жизнь своего товарища-семьянина.

Во время Севастопольской кампании на поле чести остались друг возле друга два раненых врага – один из них был русский, другой француз. Оба страшно страдали от холода. Наутро русский проснулся бодрым и заметил, что он был прикрыт плащом француза, который лежал возле него мёртвым.

Во время бывшей русско-японской войны одно русское военное судно, после боя не будучи в состоянии сопротивляться, уже сделалось добычей неприятеля, но в то время, когда его влекло японское судно в плен, два русских моряка, оставшиеся на судне и не замеченные другими, спустились в его трюм и, открыв кингстоны, потопили – и себя, и судно в пучине моря, спасая тем самым честь Андреевского флага.

Во время гибели "Титаника", сопровождавшейся столькими человеческими жертвами, когда для всех открылась безбрежная могила океана, от гибнущего корабля отчаливает вместе с другими до крайности перегруженная людьми спасательная лодка, среди которых преобладают женщины и дети. Вдруг рулевой заявляет, что всем грозит гибель, если лодка не будет облегчена, и три пассажира-англичанина немедленно выбрасываются за борт и гибнут вслед за тем, спасая тем самым других, оставшихся в лодке.

Имена всех вышеприведённых героев и других, им подобных, остаются неизвестными. Но что ж из этого? Разве от этого в какой-либо мере умаляется значение самих фактов в человеческой жизни, разве эти самые факты будут меньше волновать других своим героизмом, оттого что мы не знаем имен самих героев. Разве безвестный герой оставляет меньше следа в нас своим подвигом? Ничуть! Скажу, напротив. Безвестность героя в моих глазах ещё больше говорит за безукоризненность самого подвига. В конце концов, в общечеловеческом прогрессе имеет значение конечный результат в форме проявленного действия как синтеза всей жизнедеятельности человеческой личности данной эпохи.

Кто полагает, что оставление своего собственного имени в потомстве обеспечивает ему неувядаемую о себе память и, так сказать, вечную жизнь среди последующих поколений, тот глубоко заблуждается. И прежде всего потому, что это по существу неверно, ибо память на имена в человечестве, вообще говоря, коротка и,

во-вторых, потому, что дело не в имени, а в той сознательной деятельности, которую проявила данная личность в течение жизни и которая входит, как известная частица в общечеловеческую духовную культуру.

Пусть эта частица окажется крупинкой, крайне малой величиной в эволюции общечеловеческой духовной культуры. Но нельзя представить себе, приняв во внимание закон сохранения энергии и понимая нервно-психическую деятельность как проявление этой энергии, – чтобы какая бы ни было человеческая личность не вносила саму себя хотя бы в виде малейшей, пусть даже неизмеримо малой частицы, в общечеловеческую духовную культуру. А это и обеспечивает ей вечную жизнь за периодом её земного существования. Таким образом, нет основания гоняться непременно за большими делами, ибо и малые дела столь же необходимы человечеству, как и большие.

Если та или другая личность в общем ходе эволюции человеческой культуры заявляет себя отрицательно, это, само собой разумеется, большой минус для последней, ибо процесс культуры идёт не прямолинейно, а зигзагами и скачками. При этом нельзя забывать, что всё отрицательное имеет часто и положительную сторону хотя бы тем, что оно вызывает большую силу протеста и затрату на него энергии со стороны личностей, вносящих положительную струю в духовную общечеловеческую культуру, оттеняя тем самым всё положительное, всё морально более высокое. Таким образом, отрицательные стороны в деятельности той или другой личности, в конце концов, только задерживают временно развитие общечеловеческий духовной культуры, не останавливая окончательно её поступательного хода в истории народов.

Мы ведём, например, войну, и какие бы лозунги ни выдвигались в борьбе народов, как бы ни было ценно отстоять значение права над силой, но несомненно, что сам факт войны противоречит общечеловеческой идее братства народов, как смертная казнь противоречит идее перевоспитания преступных людей.

Но кончится война, и поверьте, что слова "мир" и "братство", быть может, никогда не прозвучат так пленительно, так искренно для человечества, как непосредственно вслед за войной, особенно если мир заключим на справедливых началах.

Да и сама война выдвигает так много моральных и общечеловеческих вопросов, вопросов, связанных с развитием народоправства в разных странах, и в особенности у нас, что имеется немало

оснований думать, что эта именно война явится горнилом очищения для человечества за те социальные неустройства, в которых оно жило столько веков.

Известно, с другой стороны, какое отвратительное впечатление вызывает зрелище совершённой казни, и не потому ли, чтобы поддерживать институт смертной казни, этот позор человечества, защитники казни даже вынуждены скрывать выполнение её от взоров публики.

Но как бы то ни было – личности, которые борются за общие блага человечества, которые руководятся идеями права и гуманности, должны быть признаны настоящими творцами духовной общечеловеческой культуры. И, следовательно, вместе с вечной жизнью имеют права и на вечное признание человечества. Не в смысле только прославления их имени в потомстве, которое, в конце концов, всё равно забудется в течение миллионов лет, а в смысле тех посевов, которые взрастут и останутся навсегда результатом их творческой деятельности в духовной общечеловеческой культуре и приведут к созданию лучшего человека в будущем.

В мире всё движется, всё течёт, мир есть вечное движение, непрерывное превращение одной формы энергии в другую, так говорит наука. Нет ничего постоянного, одно сменяется другим. Люди рождаются и умирают, возникают и разрушаются царства. Ничего не остаётся ни на минуту одинаковым, и человеку лишь кажется, что со смертью он разлагается и исчезает, превращаясь в ничто, и притом исчезает навсегда. Но это неверно. Человек есть деятель и соучастник общего мирового процесса. Нечего говорить, что новый шаг в науке, технике, искусстве и морали остаётся вечным, как этап нового творческого начала. Но и повседневная деятельность человека не исчезает безследно.

Представьте себе, что вы побывали в театре. Плоха или хороша виденная вами пьеса, это зависит от самой пьесы, но что она оставила в вас тот или иной след, можно ли в этом сомневаться? Пусть этот след со временем даже забудется, но значит ли это, что он не отразился известным образом на зрителе и не дал своих последствий, что он тем или иным способом не отразился на вашей последующей жизни. Не то ли самое нужно допускать и в жизни? Вы видите деятельность окружающих вас лиц, слышите их беседу, суждения, и вам может показаться, что всё это проходит безследно, исчезает, не вызывая никаких последствий; а между тем может ли быть так с точки зрения неуничтожаемости энергии?

Ведь энергия проявлялась в другом человеке в его поступках, словах, мимике, жестах и других проявлениях, и может ли она исчезнуть бесследно. Конечно, нет. И если мы говорили о вечности наиболее выдающихся творений человеческого ума, то это лишь обозначает, что такие творения остаются вечными сами по себе как таковые. Тогда как все остальные проявления человеческой деятельности служат лишь теми или иными импульсами для действий других лиц, но преемственно, передаваясь из поколения в поколение, они также вечны и служат теми агентами, которые с течением времени в ряде поколений проявятся снова в каком-либо новом творении, претендующем на вечность как таковое.

Возьмём продукты человеческого творчества в литературе. Около 300 лет тому назад человечество обогатилось неизгладимыми в памяти потомства творениями **Сервантеса** и Шекспира. Творения эти признаются вечными, ибо в них оказалось то, что живёт вечно в человеке, в глубинах его личности. В лице Дон-Кихота вы имеете бедного рыцаря, фанатика, близкого к сумасшествию и, может быть, даже немножко сумасшедшего, но в котором проявлялось безграничное служение идеалу. *"За свободу и честь человек должен жертвовать жизнью, потому что рабство составляет величайшее земное бедствие"* – вот слова Дон-Кихота своему оруженосцу Санчо Пансе – слова, которые и олицетворяют это бескорыстное служение идеалу.

В произведениях **Шекспира** вы имеете такие типы, как король Лир, которого автор переводит из положения счастливого обладателя царской власти и богатства в бедного, лишённого прав изгнанника. Этот переход от счастья к страданию не мог не привести короля Лира к состраданию, ибо счастье заглушает в человеке чувство справедливости и сострадания: *"Учись, богач, учись на деле нуждами меньших братьев, горюй их горем и избыток свой им отдавай, чтоб оправдать тем Небо"*. Наконец, испивший чашу испытаний до дна, король Лир поднимается до ступеней высшей справедливости и высшего служения долгу, когда он восклицает: *"Нет в мире виноватых! Нет, я знаю, я заступаюсь за всех!"*

И, наконец, Гамлет, вечно сомневающийся во всём и в самом себе, чувствующий себя безвольным, изверившимся во всём, лишним и ненужным человеком. Но Гамлет, признавая своё безсилие и безволие, сознаёт и величие человеческого духа, когда говорит: *"Велик тот истинно, кто без великой цели не восстанёт, но бьётся за песчинку, когда задета честь"*.

Это вечная истина, сказанная человечеству в прекрасных образах творческой мысли двумя великими писателями. Но разве эти произведения и сами Сервантес и Шекспир явились как *deus ex machina*? Разве вся предшествующая творческая деятельность человечества, ведшего неустанную борьбу за идеалы, за честь, за лучшие блага, не подготовили всего того, что дали человечеству эти великие произведения?

И чтобы вы ни взяли из того, что признаётся вечным, вы должны признать, что вечное, в конце концов, есть плод бесконечного ряда предшествующих условий, созданных творческой рукой человека.

В будущем человечества, как в синтезе, должна отражаться вся предшествующая совокупная работа человеческого гения, а следовательно – и морали, ибо будущий человек есть прямой наследник всей предшествовавшей человеческой жизни с её борьбой за лучшие блага и со всеми её приобретениями в поступательном ходе человеческой цивилизации.

В этом отношении будущее человечество представит собой действительную картину достигнутого всеми предшествующими поколениями человечества, как бы их духовным наследием, но лишь в форме общего синтеза. В последнем, однако, ни одна новая чёрточка, ни одно малейшее зёрнышко, которые внёс тот или другой ранее живший человек в сокровищницу общечеловеческой культуры, не останутся безследными, ибо оно всегда даст свои ростки, которые позднее будут развиваться и расти. Даже лица, не давшие ничего нового своей жизнью, являющиеся как бы подражателями других, уже самим своим существованием, как живые существа, действующие и вступающие в отношения с другими, как своего рода передаточные среды, оставят свой след (хороший или дурной – это другой вопрос). Который не может не сказаться на духовном лике будущего человечества, являющегося, как уже сказано, синтезом всего прошедшего и воспроизводящего все приобретения прошлого человеческого опыта в его конечных выводах и следствиях.

Дело в том, что если человеческая личность бессмертна и остаётся жить в будущем как частица духовной общечеловеческой культуры, то она же живёт и в прошедшем, ибо она есть прямой продукт прошедшего, продукт всего того, что она восприняла из прошлой общечеловеческой культуры путём преемственности и унаследования.

При этом – мы понимаем не одну только биологическую наследственность, которая преемственно передаёт из поколения в поколение внешние формы человеческой личности и её внутреннюю организацию в смысле биохимических процессов, отражающуюся на человеческом темпераменте и его характере, но и тот процесс, который мы обозначаем именем социальной наследственности и благодаря которому из рода в род передаются все приобретения жизненного опыта предшествующих поколений [17].

В сущности, каждый человек составляет неповторяющуюся единицу бесконечного ряда предшествующих единиц живой силы, преемственно передающихся от одних живых существ другим. Как внешняя форма амёбы путём эволюции послужила основанием для развития всех разнообразных и более совершенных форм живой природы, так и первичная раздражительность протоплазмы, лежащая в основе жизни, путём той же эволюции привела к последовательному развитию в животном мире сложнейших сочетательных рефлексов, совокупность которых достигает своего высшего развития в мире человека.

Поэтому и всё то, что мы называем подвигом, и всё то, что мы называем преступлением, непременно оставляют по себе определённый след в общечеловеческой жизни, который имеет соответствующие ему последствия в преемственном ряде поколений.

Вместе с тем каждый человек, явившийся наследником прошлых поколений, есть деятель, творец и созидатель будущего. Он не имеет права говорить о своём бессилии или бесплодности труда, ибо в нём самом заключается рождение будущего.

С другой стороны, представляются жалкими те люди, которые всегда и везде цепляются за саму жизнь как за панацею счастья, хотя их внутренний голос должен был бы подсказать, что в известных случаях жертвой своей жизни и тяжким страданием они созидают духовную, а следовательно – и моральную основу жизни грядущих поколений. Это не значит, конечно, что человек должен пренебрегать своей жизнью и не беречь её там, где не только её лишение, но даже и ущерб здоровью сократил бы или уменьшил бы творчество человеческой индивидуальности. Самоубийство вообще, как самоубийство по индивидуальным мотивам, не может получить никакого оправдания с социально-этической точки зрения, но жертва жизнью за благо человечества в будущем есть высший этический порыв, который даётся немногим. Наконец бессмыслен и страх смерти, столь свойственный многим.

Неизвестность, что будет после смерти и особенно будущим превращением в ничто, является всегдашним источником страха перед нею.

По словам **Метерлинка**, изложившего свои мысли в *"Le Figaro"*, имеется лишь одна причина страха смерти, это – *"... боязнь неизвестности, в которую она нас повергает"*. По его мнению, главное наше желание – это сохранение сознания нашей личности. *"Мне совершенно безразлично, говорит себе наше "я", ограниченное и упорное в своём непонимании, чтобы самые возвышенные, самые свободные и самые прекрасные черты моего духа жили вечной жизнью и светились в вечном блаженстве. Они уже не мои, и я их поэтому не признаю. Смерть перерезала сплетение нервов или воспоминаний, связанных с каким-то страхом, в котором находится точка, дающая ощущение моего целого "я". Раз они оторваны от меня и блуждают в пространстве и времени, то судьба лучших черт мне так же чужда, как и судьба самых отдалённых звёзд"*.

Однако так ли это? Неужели человек столь эгоистичен вообще, что для него безразлично, что будет последователем его самого, хотя бы это последствие было не он сам, а нечто от него обособленное, подобно, например, потомству, которое он произвёл на свет. Но разве дети, эта плоть от плоти нашей и наследники духовной культуры предшествующих поколений, для нас безразличные существа, и разве их судьба для нас является совершенно чуждой и безразличной?

Путём строгого размышления о роли личности как одного из звеньев бесконечного ряда жизней, преемственно наследующих одна другую в своём внутреннем содержании и во внешней форме, человек должен найти примирение с тем сроком, который уделила ему судьба для исполнения возложенной на него созидательной работы. Ощущаемый страх смерти только и доказывает, что человек рассматривает самого себя как нечто самодовлеющее и обособленное от всего мира, которое будто бы утрачивает своё бытие вместе со смертью, что, как мы видели, неправильно по существу.

По словам **Мечникова**: *"Высокое умственное развитие обусловило сознание неизбежности смерти, а животная природа сократила жизнь вследствие хронического отравления ядами, вырабатываемыми бактериями кишечной флоры. Эта основная дисгармония человеческой природы может быть устранена правилами рациональной гигиены, чем даётся возможность человеку прожить полный и счастливый цикл жизни, заканчивающийся спо-*

койной естественной смертью. Это и есть так называемый ортобиоз, на который можно смотреть как на цель рационального человеческого существования".

Не отрицая ортобиоза как жизни по правилам гигиены, обещающей после 120–150 лет привести к естественной физиологической старости, можно ли, однако, на ортобиоз смотреть как на цель рационального человеческого существования?

Ведь это значило бы сказать, что трудолюбивая, умеренная и долгая жизнь по правилам гигиены есть цель, к которой должны стремиться как к конечному идеалу. Но разве мы не знаем тысячи примеров, когда люди, прожившие короткий век, оставили после себя духовное наследство, которое несравненно по ценности с тем, что оставляют люди, живущие долгий век?

А если это так, то **ортобиоз**, или жизнь по правилам гигиены, составляет не цель, а лишь **одно из средств** для осуществления лучших моральных идеалов, ибо она даёт возможность непрерывного умственного и морального самоусовершенствования, для которого телесное благосостояние является лишь одним из благоприятных условий, ничуть не более. Но помимо всего сказанного человек, доживающий до естественного конца по правилам ортобиоза, разве тем самым неизбежно освобождается от страха смерти, разве его сознание неизвестности за порогом жизни просветляется от "долготы дней"? Ведь всё в этом отношении остаётся прежним, разве только дряхлость будет настолько тяготить, что возникает сама собой потребность "вечного покоя", или же сознание будет угашено под влиянием старости как у человека, уже умственно ослабевшего. Если это имел в виду Мечников, говоря о своём ортобиозе, то я бы спросил, будет ли в общем даже для общечеловеческой культуры полезно не только в материальном, но и в моральном отношении, обременение всего человечества людьми дряхлыми, слабосильными, вообще немощными и с притупленной умственной деятельностью, – этим печальным свойством глубокой старости, которую ведь ортобиоз не устраняет, устраняя лишь преждевременную дряхлость?

По нашим взглядам, человек, умирающий в предназначенный ему судьбой срок, безразлично, преждевременной ли будет его смерть или он воспользовался полным сроком своей жизни, расставаясь с ней и переходя в вечный сон без сновидений, составляющий, по словам Метерлинка, истинное благо в течение всей жизни человека, – должен не страшиться самой смерти, как вечного сна, а

лишь жалеть о том, что он не всё совершил, что мог сделать для **общего блага**, и утешаться мыслью о сделанном. Но именно и нужно, чтоб было чем утешаться перед расставанием с жизнью. А у многих ли есть это утешение общепольности проведённой жизни, что не может не нарушать спокойствия духа перед наступающей смертью? **Те, кто умирают при сознании, что они служили правому делу, смерти не боятся.** Вспомните смерть первых христиан, переносивших страшные муки со славословием Божества на устах. Вспомните смерть Гуса с молитвой на костре. А разве мало приявших смерть как высшую дань своему долгу из тех, которые умерли за свою родину, а равно и из тех, кого судьба сделала жертвой за свои политические убеждения?

Разве это не примеры живой моральной силы, победы духа над плотью? Что, в самом деле, может быть выше и, скажу даже, завиднее того, когда даже лютая смерть не только не перестаёт быть страшной, но радостна, как жертва на благо человечества в его настоящем и будущем...

*Друг, не страшись, что смерть настанет,
И сердцу биться вновь не даст,
Что твой потухший взор не взглянет
На всё, что гений вновь создаст.*

*Поверь, мой друг, кругом всё тленно,
Сем жив и славен Божий свет,
Твоя душа лишь будет ценна,
Когда оставит добрый след.*

*Дабы не меркли идеалы
От века суждено судьбой,
Чтоб старость дряхлую сменяла
Улыбка жизни молодой.*

*Твои дела, твои сомненья
В младые души западут,
В них закипят опять волненья,
Чем сердце к подвигам зажгут.*

И вот я скажу, чтобы побороть страх смерти, нужно жить так, чтобы оставалось сознание не бесплодно прожитой жизни, и нужно быть в постоянной готовности умереть.

Мы погрязаем в мелочах своей жизни так, что забываем о вечном институте смерти и только вспоминаем о нём, когда смерть постигает друга, когда по улице двигается погребальный кортеж, и даже в эти моменты мы не всегда думаем о том часе, который неизбежно наступит для нас самих. А между тем – об этом именно часе и следовало бы вспоминать по-чаще, но не для того, чтобы горевать и плакаться, а для того, чтобы бодрить себя к деятельности, побуждать к мысли о связи нашей личности со всем человечеством и со всем вообще миром с безпредельным его движением и безпредельным совершенствованием, частицу которого мы осуществляем.

Можно ли, однако, говорить о вечной жизни, если наша Планета имеет, в конце концов, ограниченное существование, хотя бы от медленного, но постоянного охлаждения Солнца? Но если заходить так далеко, то надо признать, что – так как границ совершенствования человеческой личности не существует, – то вполне допустимо в будущем общение человечества с другими планетными мирами Вселенной, тем более что задача о межпланетном общении поставлена уже ныне некоторыми из астрономов.

А что жизнь существует не на одной Земле, а и на других планетах, где имеются условия, приблизительно сходные с земными, можно ли в том сомневаться? Ведь мировые законы одни и те же – как для Земли, так и для других планет; и если на Земле в отдалённое от нас время возникла жизнь в силу общих мировых законов, то она также должна была возникнуть и на других, сходных по внешним условиям планетах. С другой стороны, так как силы природы безграничны, а силы человеческого ума, являющегося отражением мировой энергии, неиссякаемы, то и надо признать, что задача межпланетных сигнализаций между существами, их населяющими, не может быть признана неразрешимой в течение грядущих веков. А вместе с этим – устранится и ограничение будущей жизни человечества условиями существования земной планеты, – этой песчинки, кружащейся вокруг своего Солнца, ибо тогда будет установлена преемственность духовной культуры живых существ, населяющих различные планеты безпредельного мирового пространства.

С понятием о вечной жизни человеческой личности в духовной жизни всего человечества необходимо связывается, как мы видели, и вопрос о нравственной ответственности отдельной личности, о чём была речь уже выше, но вопрос сам по себе так важен, что мы считаем необходимым к нему вернуться вновь.

В самом деле, представим себе, что человек умирает, причём вместе со смертью утрачивается и духовная его сторона вполне и навсегда. Представим себе, что мы имеем при этом дело с атеистом, который совершенно исключает веру в загробную жизнь в смысле христианского учения. На что он может опираться в своих действиях и поступках, что он может мыслить о себе, о своём существовании, о смысле жизни? Чем будет оправдываться добродетель, чувство долга, подвиг? На чём будет основываться человеческая совесть, и, наконец, возможна ли при таких условиях даже общечеловеческая духовная культура, ибо она предполагает духовный прогресс или совершенствование духовной личности человечества, а как оно возможно при полной духовной смерти отдельных личностей?

Если "я" не существую после себя, если меня нет в будущем, как нет и в прошлом, что же тогда мной будет руководить? Какие идеалы возымеют перевес? – Личные или общечеловеческие? И что может меня соблазнять в пользу общечеловеческих идеалов? Благодарная память потомства? Но ведь она недолговечна. О доисторической жизни народов мы уже мало что знаем. Да и память в потомстве суживается с течением времени до личностей наиболее сильных, гениальных, оставивших особенно крупный по себе след. А много ли таких, которые не только могут считаться гениями, но хотя бы уподоблялись им, и что остаётся мыслить остальным, которые относят себя к категории обыкновенных смертных? Такие лица или вовсе не мирятся с жизнью и тогда прекращают свою жизнь самоубийством или же, не осмысливая цели жизни, мирятся с идеей бренности своего существования, бессмысленности общечеловеческих идеалов, безцельности труда на общую пользу и успокаиваются на мысли "живи, пока живётся", а как – в свою ли утробу или на пользу других – для них этого вопроса даже не существует.

Между тем развиваемая выше точка зрения исключает подобную доктрину, выдвигая и вопрос о моральной ответственности каждой отдельной личности перед потомством, точнее говоря – перед всем человечеством.

Ответственность за свои поступки и действия является совершенно естественной, если каждый поступок, каждый шаг, каждое слово, каждый жест, каждое мимическое движение и даже каждый произнесённый человеком звук не остаются безследными, а так или иначе отражаются в других, претворяясь здесь в новые формы

воздействия на внешний мир и передаваясь путём социальной преемственности будущим поколениям человечества.

А если это так, то для всякой человеческой личности возникает и необходимость нравственного совершенствования в течение жизни. Необходимо, чтоб каждая личность, благодаря тому запасу энергии, который она приобретает – как со своим рождением, так и в течение своей жизни путём трансформирования энергии окружающей природы, возможно полнее участвовала в общей созидательной работе над развитием духовной культуры человечества и вносила бы всю силу своей творческой деятельности в окружающий мир. Это есть моральная обязанность каждой вообще личности, вытекающая из всего строя посылок, который был передан нами в предыдущем изложении.

Жизнь, как и весь мир, не есть покой, а непрерывное движение и деятельность.

Труд, связанный с затратой энергии, есть физиологическая необходимость для человека. Но труд сам по себе как всякая деятельность, встречающая на пути своём те или другие препятствия, приводит человека к совершенствованию, которое продолжается от самого младенчества до прекращения человеческой жизни, если в нем не будет преждевременно убита склонность к труду, а следовательно – и к совершенствованию, тем или другим болезненным недугом. Нельзя забывать, что противодействия, встречаемые на пути той или иной деятельности, не препятствуют вполне совершенствованию, они только его задерживают на то или другое время, но в то же время усиливают энергию к преодолению препятствий.

Однако взаимное соперничество не может быть ни целью жизни, ни даже одним только средством совершенствования, ибо уже и в биологии наряду с естественным отбором, основанным на борьбе, действует везде и всюду, как я доказываю, так называемый социальный отбор. Причём – если первый, то есть *естественный отбор* лежит в основе биологического прогресса, то второй, то есть *социальный отбор*, основанный на сотрудничестве и разделе труда, лежит главнейшим образом в основе социального прогресса [18].

Из предыдущего ясно, что человек не только способен к совершенствованию, но он и не может не совершенствоваться, находясь в условиях окружающей его среды; и потому совершенствование его идёт – то скорее, то медленнее, но безостановочно всю жизнь до её предела. Каждый миг его жизни есть только ступень для поднятия вверх к высшим формам проявления индивидуально-

сти – вот основной закон нормального развития человеческой жизни. Но человек в то же время существо социальное, и без социальности нельзя представить себе совершенствующейся человеческой личности. Вот почему совершенствование одного не только не должно мешать совершенствованию других, а даже содействовать тому, иначе и собственное совершенствование оказывалось бы социальным ущербом, а не совершенствованием.

Таким образом, мы можем сказать, что жизнь, согласованная с социальностью, есть совершенствование, а следовательно – и добро.

Но жизнь есть неизбежное и неустраимое явление в мировом процессе, являющееся результатом определённого сочетания энергий. При этом никакие вообще планетные катаклизмы не могут прекратить окончательно жизни в мировом пространстве, ибо, исчезнув на одной планете, она воскресает на другой планете при соответствующих условиях и опять развивается по установленным законам естественного и социального отбора [19], приводя к физическому и моральному совершенствованию живых существ. **Отсюда должно быть ясно, что стремление к добру существует вечно, как вечно и сама жизнь.**

И прав поэт **К. Р.** [Великий князь **Константин Романов** – Ред.], воспев любовь как вечное животворящее начало:

*Пусть говорят, как всё в творенье,
С тобой умрёт твоя любовь, –
Не верь во лживое ученье:
Истлеет плоть, остынет кровь,

Угаснут в срок определенный
Наш мир, а с ним и тьмы миров,
Но пламень тот, Творцом возженный,
Пребудет в вечности миров.*

В заключение заметим, что закон эволюции заставляет нас искать первоначальные корни современной человеческой жизни не только в доисторической эпохе, относящейся к первоначальному периоду существования человека, но в период первоначального развития органической жизни на Земле, в первом зачатке появившейся на земном шаре живой материи. Так как, с другой стороны, последняя является сложным продуктом энергии, то начало человеческой жизни, а следовательно – и духа, должно искать в той са-

мой *мировой энергии*, которая служит **началом всего видимого и невидимого мира.**

Эту истину инстинктивно признавали уже древние народы, поклоняясь Солнцу и свету, то есть той энергии, которая является живительным началом для нашей Планеты. Современная научная мысль идёт в том же направлении, но она устремляет свои взор дальше воззрений мудрецов древности, видя не в Солнце только, этом живительном светиле нашей Планеты, начало всех начал, а в той *мировой энергии*, которая служит *основой мироздания и началом всего сущего*, в том числе и самого Солнца.

Но и в видимом нами мире, доступном нашему уму, нет ничего абсолютного, ибо существа мира мы не знаем, а постигаем только отношения в нём и разные их формы. Энергии, какие мы знаем, также не представляют сами по себе чего-нибудь абсолютного, форма энергии – это принятие, выражающее количественное отношение видимых и осязаемых вещей, но существа самой энергии мы всё же не знаем. Оно для нас непостижимо. Тем не менее – мы знаем, что *мировая энергия*, в конце концов, даёт начало высоким моральным достижениям человеческой личности. Когда вся она отдаётся на бескорыстное служение другим и в особенности всему человечеству до самозабвения, до уничтожения своих личных интересов, мы признаём её достойной обожествления ввиду приближения её к **высшему моральному идеалу, именуемому Богом.**

Наивное религиозное воззрение непременно представляет себе Бога в человеческом образе. Но ведь это есть антропоморфизм, недопустимый с логической точки зрения. Какое основание именно представлять Бога в человеческом образе? Не только не необходимо, чтобы **Бог – духовное начало**, уподоблялся физическому образу человека, каковым его рисует человеческое воображение, но и должно быть логически исключено.

Правда, человек согласно религиозному воззрению создан "*по образу и подобию*" божества. И это не противоречит научному воззрению, ибо иначе не было бы никакого соотношения между человеком и высшим добром или богом; и человек перестал бы искать Бога. Но соотношение здесь предполагается **духовное**, то есть которое в человеке может быть признано проявлением высшего духовного начала, идущего в соответствии с социальностью. А если это так, то ни о каком совпадении внешних форм человека и божества не может быть и речи. В конце концов – и христианское уче-

ние, олицетворяя в образе Христа Богочеловека, признаёт в нём божественной – не физическую природу, а его духовную сторону. Иначе говоря – Его учение, полное высших и недостижимых моральных ценностей; и Его деятельность как действенное их осуществление и лучшее отражение *мировой энергии*.

С совершенствованием человеческой личности связан и тот божественный принцип, который обеспечивает существование добра на Земле, проникающего жизнь в различных её проявлениях и являющегося в высших своих формах венцом мирового прогресса. Вот почему можно не только верить и питать надежду, но и высказать убеждение, что мировой процесс, двигаясь по тому же пути, приведёт, в конце концов, путём прогенерации человеческого рода, к созданию того высшего в нравственном смысле человеческого существа – назовём его *прогенеративом*, – которое осуществит на Земле царство любви и добра. Это случится через много веков, но случится непременно, ибо законы, управляющие жизнью вообще и жизнью человека в частности, столь же непреложны, как и законы, управляющие движением небесных светил.

А так как идеалы всегда предвосхищают будущее, то мы, руководясь этими идеалами – и сами являясь носителями *мировой энергии*, будем стремиться к тому, чтобы всё в нашей жизни было проникнуто *божественным духом*, следовательно, всё общечеловеческое, гуманное и жертвенное нашло, возможно, полное отражение в нашем собственном существе и тем самым служило бы созданию лучшего человека в будущем. К созданию этого лучшего, то есть морально более высокого человека – будущего человеческого прогенератива – и должны быть направлены все наши усилия, сущность которых должна заключаться в непрерывном совершенствовании своей собственной личности в соответствии с интересами общечеловеческого коллектива и одновременно – в совершенствовании общественных форм человеческой жизни.

Примечания

1. Данный текст – речь, произнесённая на торжественном акте Психоневрологического института в феврале 1916 г. и первоначально напечатанная в "Вестнике знания".
2. Соловьёв В. Оправдание добра. Предисловие.
3. Лебон Г. Эволюция материи. СПб., 1911 г.

4. См.: Бехтерев В. М. Вестн. Психологии. 1904. Объективная психология. Вып. I. (1907), вып. II. (1910) и вып. III (1911). СПб. Общие основания Рефлексологии; Обзор. Психиатрии. 1916 и 1917 гг. и отд. изд. – Вестн. Знания. 1916 г.

5. См.: Бехтерев В.М. Психика и жизнь. 2-е перераб. и доп. изд. СПб., 1904 г. *L'activite psychique et la vie*. Paris. – *Psyche und Leben*. Wiesbaden.

6. Заслуживают внимания новейшие исследования, которые устанавливают соотношения между принятой пищей и производимой человеком механической работой (на велосипеде). Для этой цели человека помещали в замкнутое пространство с неизменной температурой. Производимая им механическая работа передавалась тем или другим механизмам, например динамо-машине. При этом путём учёта потребляемой пищи и производимой полезной работы доказано, что человек даёт работой своих мышц около 21% потребляемой им энергии, тогда как паровая машина, как известно, даёт не более 13% полезной работы. Люди с большей физической силой дают ещё больший процент полезной работы, а именно до 36%. Здесь, конечно, не принята в расчёт та энергия, которая идёт на работу жёлёз и других внутренних органов (потоотделение, усиление сердцебиения и пр.). Только что приведённые факты объясняются, с одной стороны, большим совершенством человеческой машины, преимущество которой состоит в том, что изнашивание человеческой машины чинится самой же машиной, с другой – тем обстоятельством, что энергия наших центров, дающая импульс движению, образуется, собственно, не столько путём трансформации питательного материала – крови, сколько путём трансформации разнообразных внешних влияний на воспринимающие органы и постоянно присутствующего запаса энергии в центрах.

7. Бехтерев В.М. Обозрение психиатрии. 1896. *Neurol Centr*. 1896.

8. Бехтерев В. М. Психика и жизнь. СПб.

9. Энергетическое учение в применении к нервно-психической деятельности за последнее время кроме меня развивалось с различных точек зрения Лассвиц'ем, Гротом, Краинским и др.

10. О том же предмете сделан доклад профессором Хвольсоном в Петроградском Философском обществе в марте 1916 г.

11. Друммонд Г. Прогресс и эволюция человека. С. 373.

12. Бехтерев В. М. Психика и жизнь. СПб. *Psuche und Leben*. Wiesbaden. *L'activite psychique et la vie*. Paris. Мысли, изложенные в

этом сочинении об эволюционном монизме, а также и мои взгляды, изложенные мной в прениях по тому же предмету в данных обществах, особенно в Русском Обществе нормальной и патологической психологии, нашли своё отражение и в философской литературе. (См. по этому поводу у К.Ф. Жакова в позднейших его работах).

13. Друммонд Г. *Op cit.* С. 273-274

14. Может быть, этот кругооборот, понятие о котором было доступно и народам древности, и послужил к созданию учения о переселении душ.

15. Фрейхтерслебен. Гигиена души. С. 21.

16. См.: Бехтерев В. М. Обзорение психиатрии. 1896, а также *Neur. Centralbl.* Тот же год.

17. Кроме сделанных уже выше указаний о социальной наследственности см. мой труд "Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности". СПб. Отд. изд. 1912.

18. См.: Бехтерев В.М. Значение гормонизма и социального отбора в эволюции организмов // *Природа*. 1916. Там же упомянуты и другие мои работы в этом направлении.

19. Бехтерев В.М. Социальный отбор и его биологическое значение. *Вестник здания; Nord und Sud*. 1912.

Петроград, февраль, 1916 г.

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927), – выдающийся русский физиолог, нейрофизиолог, психолог, психиатр, действительный член Петербургского общества психиатров (1879), профессор Петербургской медико-хирургической академии (1893), основал журнал «Неврологический вестник» (1893), академик, председатель Русского общества нормальной и патологической психологии (1900), организовал в Петербурге Общество психоневрологов и Общество нормальной и экспериментальной психологии и научной организации труда, редактировал журналы «Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии», «Изучение и воспитание личности», «Вопросы изучения труда» и другие, основатель Психоневрологического института (1908), затем – Института мозга человека АН СССР, бессмертный почётный член Русского Физического Общества.

